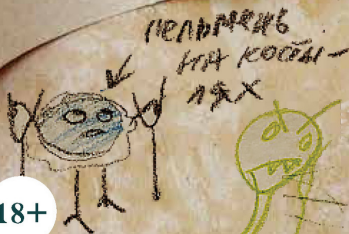

Александр Тюжин

О ЧЁМ МОЛЧАТ ТВОИ КИТЫ

18+

Александр Тюжин
О чем молчат твои киты
Серия «Ковчег (ИД Городец)»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51416455
О чем молчат твои киты: ИД «Городец»; Москва; 2020
ISBN 978-5-907085-32-9*

Аннотация

Вот так живешь-живешь, а потом бац – и уже доживаешь.

Врачи, диагноз, обследования... А ты еще молод, еще ничего не успел, ничего не добился, да и нужно ли теперь? И есть ли силы на это? Можно опустить руки и плыть по течению, слушая песни китов, а можно собрать волю в кулак и получить последнюю дозу удовольствия и принести пользу людям. Тем, кто уйдет вслед за тобой, тем, кто останется. Твой выбор?

В книге сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.

Александр Тюжин

О чем молчат твои киты

Елене Машин

© А. Тюжин, 2020

© ИД «Городец», 2020

* * *

Александр Тюжин родился и вырос в городе Оренбург. В 2006 году закончил Оренбургское областное училище куль-

туры (ООУК), специальность – Театральное творчество. В 2011 году закончил ВГИК, специальность – киносценаристика. Печатался в журналах «Нева», «День и Ночь», «Современная драматургия», сборниках «Восемь», «Первоисточник» и др.

* * *

Неделя не задалась. Одни говорят так, если выходные прошли не очень, а тут еще и работой загрузили или начальник наорал, как на малолетку, другие говорят о полученной двойке за мекание у парты, у третьих прорвало трубу и залило соседей, у четвертых просто сломался ноготь или глючит приложение на телефоне. Если я услышу подобную фразу от кого-то, я:

- рассмеюсь ему в лицо;
- стану выразительно жестикулировать руками и пальцами;
- выкручу ему соски;
- уточню, уверен ли он в своем высказывании;
- пошлю его на три или на четыре буквы.

Ноготь? Серьезно? Ок. У вас, действительно, не задалась неделя, а у меня...

Алиса сказала: «Да пошел ты!» – и вышла из комнаты.

Алиса сказала: «Мы смотрим в разные стороны!» – и воткнулась в стену.

Алиса сказала: «Мне ничего от тебя не нужно!» – и собрала вещи, даже заколку, что я подарил ей час назад.

Алиса сказала: «Ты несерьезный!» – и пять минут умилялась щеночку на третьем канале.

Алиса сказала: «Я целеустремленная, а ты – нет, – и добавила, – вызови мне такси, а то у меня полтора рубля на балансе».

Я долго смотрел, как не хотели закрываться створки лифта, а затем она уехала.

Кто такая Алиса?

Алиса – дура. Теперь уже можно так сказать. Она уже не моя девушка. Она уже бывшая. Не все бывшие дуры, но Алиса именно такая.

Никогда мне не нравилось имя Алиса.

Это раз.

Два:

Валера сказал: «Зайди ко мне».

Я зашел.

Валера сказал: «Сядь».

Я сел.

Валера сказал: «Старик, мы давно знакомы».

Я кивнул.

Валера сказал: «Посетители жалуются на тебя».

Я удивился.

Валера сказал: «Ты стебешься над ними и даешь неправильные подсказки».

Я ухмыльнулся.

Валера сказал: «И еще ты пьешь на рабочем месте».

Я сказал: «Пиво».

Валера развел руками.

Я сказал: «Я больше не буду».

Валера сказал: «Ты больше не будешь, – и добавил, – ты уволен!»

Валера – мой начальник. Мой бывший начальник.

Имя Валера мне тоже никогда не нравилось. Оно женское.

Меня зовут Илья.

Доктор сказал: «У вас рак».

Три.

Ха-ха, очень смешно. Рак.

– Стоп, подождите, как рак? Это какой-то розыгрыш?

– Молодой человек, кто такими вещами шутит?

Я пожал плечами.

– Злые клоуны.

Но доктор не был клоуном, он не шутил и не улыбался. Он что-то говорил, практически не шевеля губами, а я ничего почти не слышал. Я пытался осознать этих два страшных произнесенных им слова с предлогом у.

Я услышал: «Третьей стадии».

Я услышал: «Шансы есть, но мало».

Я услышал: «Около года».

Я услышал: «Лечение».

Я услышал: «Химиотерапия».

Я услышал: «Случай...» и «Не нужно терять надежду».

А дальше только «уууууу» и «бам-бам-бам», как будто в клубе включили громкую музыку на всю мощность.

Вот это не задалась неделя...

И сразу начали роиться мысли. Полетели, как сотни мошек на свет.

Не верю!

Не может быть!

Только не со мной.

Вы что, издеваетесь?

Да не может быть, я говорю!

Мне 29 лет.

Какой к черту рак вообще?

Это что, прямо в эту самую секунду во мне какие-то там чертовы клетки размножаются?

Дядя Федя умер от рака. Рака легких.

В 57.

А мне – 29.

Рак желудка.

И тут же в холодный душ. В чем был, не раздеваясь. Капли с силой хлестали лицо и одежду, стекали прозрачными струями. Вода была холодная, очень холодная, но я не чувствовал этого. Я ничего не чувствовал. Словно парил в космосе, словно ничего не было вокруг, только невесомость. Абсолютная невесомость. Я летел. Я был в космосе, а во мне эти гадкие клетки, эта жуткая опухоль, будь она трижды прокля-

та. И я рухнул вниз, со всей силы о землю шмякнулся.

А ведь сегодня вторник. Обычный вторник обычной недели обычного месяца. Сколько их теперь мне осталось?

Не такой уж и обычный. Да нет, это всего лишь сон. Ну, конечно, как сразу только не догадался? Обыкновенный сон, только не самый приятный. Нужно скорее проснуться, открыть глаза, и ничего этого не будет. Ничего этого со мною не будет. Итак.

Раз!

Два!

Три!

Открыл глаза, поднял голову. Сверху брызжет ледяная вода. Она хлещет меня по губам, по носу, по щекам. Становится дико печально и холодно. Словно корабль потонул, а меня выкинуло на Северный полюс, и вот я один, в гавайской рубашке, посреди снега. И всюду только этот снег и льдины, и минус 64°С. Холодно. Брр.

Нет, это был не сон. Кошмар да, но наяву. Наяву...

Что же теперь делать?

Я вспомнил все фильмы и сериалы, которые видел, про рак.

Это были:

«Достучаться до небес»

«Спеши любить»

«Смерть супергероя»

«Большая буква Р»

«Пока не сыграл в ящик»

«Жизнь прекрасна», или «50/50»

«Я, Эрл и умирающая девушка»

«Во все тяжкие» 4 сезона. 5-й не успел досмотреть. А вдруг не успею?

Побежал к компу, поставил на закачку.

Немало сняли фильмов, но от этого не легче.

Когда смотрел, думал:

– Печально, но со мною такого точно не будет.

– Вот они играют больных, к ним самим болезнь не привяжется?

– Странно, что не снимают кино про абсолютно здоровых людей.

– Такие фильмы одинаково заканчиваются.

– Когда уже, наконец, придумают эффективное лекарство?

– Я бы сам не стал в таком фильме сниматься.

Не стал бы... А я и не в фильме.

И сразу навалилась депрессия. Плотно так насела на плечи здоровенным слоном, потрясла своим задом, чтобы поудобнее разместиться, и хобот сверху накинула. Вдавила в диван, в общем.

Первым делом я напился. Не надо бы, но я же русский человек. А что делает русский человек, когда сталкивается с трудностями? Правильно, бежит от них куда подальше, заливает горе адским зельем и плачется потом о том, какой он

несчастный, и как судьба к нему жестока. Я не исключение. Но сперва перебрал в уме всю жизнь. Свою, разумеется. Не Майкла Дудикоффа. Считается же, что перед смертью вся жизнь проносится перед глазами. А тут не то что пронеслась, скорее, наоборот – забуксовала:

Детство в сталинке.

Детский сад «Колокольчик».

Танька Арбузова с раскосыми глазами.

Детство в хрущевке.

Школа номер 66.

Анна Степановна – биологичка.

Выпускной.

Универ.

Первый курс.

Второй курс.

Отчисление.

Восстановился.

А дальше полный тормоз, как будто и не было ничего.

Вроде и не заслужил болезнь. Не убивал, не грабил, не насиловал. Были грешки, но мелкие, как у всех. Но разве болезнь думает о справедливости?

Теперь обо всех этапах подробнее.

* * *

Детство в сталинке.

Мне три. До этого ничего не помню. Жил, как и все младенцы, одними инстинктами. Вряд ли кто-то сможет похвастаться чем-то более интересным. А тут мне три, я сижу, играюсь в пирамидку, по стене ползет таракан и падает вместе с куском отвалившихся бежевых обоев. Мать в бигуди и с сигаретой дымит в форточку, пока Батя засел на унитазе с бессменной газетой и такой же, как у матери, сигаретой (пачка-то одна). Соседи ругаются из-за телеканала. Их слышно даже на улице. Мать выбрасывает бычок, душит какими-то дешевыми духами с резким запахом, от которого я морщусь, чихаю и зажмуриваю нос. Таракан бежит по полу, и мать хладнокровно придавливает его дырявым тап-ком, из которого торчит ее длинный костлявый палец, и размазывает по линолеуму. Подняв обои, она молча качает головой.

– Вижу, – говорит появившийся в комнате отец, – сделаю этот чертов ремонт. Я же обещал. А этих рыжих надо все-таки дихлофосом потравить.

Он не сделает ремонт.

Он не потравит тараканов.

Он сломает ногу, будет полтора месяца лежать в гипсе.

Он уйдет в запой от безделья.

Он уйдет из дома, вернее, мать выгонит его.

Он переспит с тетей Катей – одноклассницей мамы – и никогда не вернется домой.

Года три назад я заходил в нашу сталинку. Обои другие, но тараканы по-прежнему бегают.

Детский сад «Колокольчик».

В детском саду было весело, правда, недолго. На третий день во дворе я порезал ногу об осколок бутылки и потерял сознание.

Испугались дети.

Испугались нянечки.

Испугалась пухлая повариха тетя Маня.

Не испугался только дворник дядя Анзор. Он вызвал скорую.

На скорой меня увезли в больницу. И хотя у меня оказалась небольшая потеря крови, чувствовал я себя ужасно, а мать так и вовсе редела, будто я подорвался на mine и мне оторвало ногу, а не поранился об осколок и не отделался хоть и глубоким, но всего лишь порезом.

Больше в детский сад меня не водили.

Внешне он не сильно отличался от остальных: двор, двухэтажный кирпичный дом, детская площадка – ничего примечательного. Но была у него и своя тайна: ходили упорные слухи, что под ним находился старинный склеп какого-то богатого-пребогатого купца, в котором его захоронили вместе со всем богатством. Поэтому наш сад хотели отжать бандиты, но не смогли. Нянечки отбили.

Могилу потом, правда, отыскивали, но никакого клада в ней

не было. Дядя Анзор по ночам вел раскопки.

Еще помню, проснулся во время тихого часа и посмотрел на кровать напротив. На ней лежал колобкообразный Павлик и не спал. Он обделался во сне и вот теперь лепил шарики из говешек и бросался ими во всех подряд. Заметив, что я наблюдаю за ним, он юркнул под одеяло и, кажется, навалил еще одну кучку. Увидев эту картину, нянечка не выдержала и матом наорала на Павлика. Все долго хихикали. А на следующий день с ним никто не здоровался и не разговаривал. Потом я поранил ногу.

Еще мы нашли в траве мертвую кошку, и все тыкали в нее палками, а Танька Арбузова растолкала всех и стала ее гладить.

* * *

Танька Арбузова с раскосыми глазами.

Она жила по соседству. Странная, рыжеволосая, с большим ртом. Вечно носилась то с кошечками, то с собачками, то с хомячками. Она никогда не плакала, хотя...

Ее дразнили.

Ее обзывали.

Ее боялись.

Ее колотили.

Над ней смеялись.

Ее обманывали.

И ее запирали в подвале.

Я тоже ее боялся. Страшно было смотреть в ее раскосые глаза, однако ничего страшного в них не было. Но кто-то пустил слух, что она колдунья, и от одного ее взгляда можно превратиться в жабу или скунса. В жабу никто превращаться не хотел, да и в скунса тоже. Но однажды мы играли в казаков-разбойников, и я провалился в люк. Все с криком разбежались врассыпную, и только Танька Арбузова, чудом сидевшая в кустах неподалеку, возникла надо мною в огромном и жутком отверстии со своим раскосым взглядом, быстро оценила ситуацию и убежала за взрослыми. Через три минуты я был спасен дядей Толей – соседом с нижнего этажа – и отшлепан матерью, за «шляние там, где не надо».

– Скажи спасибо дяде Толе, – гаркнула мама.

– Спасибо, – сказал я, потирая раскрасневшуюся поясницу.

– Ее благодари, – улыбнулся дядя Толя, кивая на Таньку, – а то плавал бы щас.

И Танька посмотрела на меня долго и пристально. Я зажмурился и стал щупать себя. Нос, рот, уши. В жабу не превратился. Ни сейчас, ни после. Так я узнал, что Танька не колдунья, и перестал ее бояться, хотя и дружить с ней не решился. Пару раз, правда, угостил ее конфетами, но только когда никто не видел.

А потом мы переехали.

Детство в хрущевке.

Зеленые обои.

Тараканов нет.

Соседи аж в другой квартире, а в не соседней комнате.

Первая Денди.

Рубилово в «Танчики», пока не лопнут в глазах сосуды.

Вторая Денди.

Отдельные туалет и ванна. Только наши, без очередей и скандалов.

Я часами просиживал в ванне, нырял, пускал кораблики и уточек, потом снова нырял и снова, пока в нос и уши не попадала вода. Кожа морщинилась и становилась прикольной на ощупь. Я гладил ее и улыбался. Мать пугала, что если я буду столько времени проводить в ванне, то кожа никогда не разгладится, и я рано состарюсь. Меня это не останавливало.

Я был единственным, кто не ходил в сад. Мать работала на дому. Шила платья, шторы, брюки, вязала шарфы и свитеры.

На первом этаже жила тетя Тома. Тетя Тома была всегда веселая и всегда под хмельком. Часто она напивалась до отключки и засыпала возле дома на лавочке или прямо на земле. Один раз я подошел к ней, а у нее задралась юбка. Я долго смотрел на ее красную задницу, похожую на мандариновую корку, выглядывавшую из грязных застиранных трусов с

огромной нештопанной дыркой. После чего она, словно почувствовав, проснулась, повернулась ко мне и, улыбнувшись беззубой улыбкой, сказала:

«Сиську хочешь?»

Я с криком убежал и всегда держался от нее подальше.

У нее было много «ценителей ее импозантности». У матери ни одного.

Они били ее.

Грабили ее.

Бросали ее.

Писали на нее заявления.

Она не злилась. Прощала всем и умерла в 44 года. Кажется, от рака печени.

В тот год я пошел в школу.

* * *

Школа номер 66.

Я не суеверный, но все же это был не лучший вариант для учебы.

Обшарпанные стены.

Малолетние наркоманы на заднем дворе с цветастым пакетом, красными глазами, заторможенные, но с неизменным вопросом: «Филки есть?»

Отваливающаяся штукатурка в спортзале.

В первый же день собрали деньги на новые обои. Белые,

с нелепым узором.

Восьмой класс «Г» боялась вся школа. Второгодки, подростки из сложных семей, хулиганы – каждый второй стоял на учете в детской комнате милиции. Все с облегчением выдохнули, когда они закончили девятый класс и, отметив выпускной, разлетелись по всем улицам и подворотням нашего города.

Я сидел с толстым Ваней, каждый урок он доставал из рюкзака пирожные, бутеры или пирожки, делал вид, что уронил ручку, и ел их под партой. Еще он редко портил воздух и громко ерзал на стуле, пытаясь замаскировать свои мерзкие пуки, но я их слышал и чувствовал. Я зажимал нос, я зажимал рот, я носил медицинскую маску, но это не спасало. Он был намного больше меня, я даже не мог его поколотить. Я называл его вонючкой, а он только разводил руками и говорил: «Да брось ты». Я отсаживался от него. Каждый день я отсаживался от него, но классная заставляла вернуться на место и отчитывала, постукивая указкой по своей шершавой ладони. Все ржали надо мной, показывали пальцем, зажимали носы. Я кричал, что он Ваня, потому что воняет. Классная стыдила, говорила, что я все выдумываю, что я хулиган, что меня тоже надо было отдать в «Г» класс, и вызывала мать в школу. Однажды я демонстративно встал и объявил всем: «А Ваня жрет, смотрите!». После чего отодвинул парту. Ваня злобно смотрел в мою сторону и грозил кулаком, доедая увесистую котлету. Но классная и на этот раз ополчилась на

меня, утверждая, что:

воспитанные мальчики так себя не ведут,
что, конечно, это нехорошо, но Ваня гораздо крупнее меня,
а значит, ему нужно чаще и больше есть,
что я совершенно нетерпелив к недостаткам других и, следовательно,
сам ничем не лучше,
что я буду сидеть с ним до тех пор, пока не научусь быть терпеливым,
что я – ябеда, а ябед никто не любит,
что лучше бы я в знаниях был таким дотошным, а то с двоек на тройки перебиваюсь, и это в первом-то классе.
Я ненавижу этого Ваню.

К счастью, весной он с родителями переехал в Пермь и теперь уже портил жизнь пермяцким школьникам.

Ну и за что мне это все?

Третья стадия.

За это?

Да за мое терпение мне как минимум десять очков бонуса от кармы полагается. Если не двадцать.

* * *

Анна Степановна – биологичка.

С учителями как-то не очень везло.

Пожилые.

Сварливые.

Строгие.

Скучные.

Надменные.

Нужное подчеркнуть.

Все, все нужное. Учиться было неинтересно во многом благодаря их заслугам. Им было по барабану на нас. Нам было по барабану на князя Игоря и синус гипотенузы. Помню, одна училка была вообще нереальным монстром, и фамилия у нее соответствующая – Колотовкина. Она орала на учеников, передразнивала их, называла тупыми, тормозами, бакланами. Как-то раз она поставила мне кол, и в дневнике стояло «кол Кол» с небольшим хвостиком. Такие у нее были приколы. Не могла получше расписать придумать, что ли?

А потом пришла Анна Степановна – настоящий огонь. Жгучая брюнетка, смуглая, с восточными корнями, в теле, но не крупная, очень женственная и с невероятными, выразительными... глазами. Ну конечно, глазами. Не подбородками же. И еще родинка над губой. Эта родинка не давала мне покоя. Постоянно думал о ней и ни о чем кроме. Ни на один урок я не бежал так, как на биологию.

Я приходил самым первым.

Я прилизывал волосы.

Я повторял домашнее задание.

Я тянул руку выше всех.

Я писал ей записки со стишками.

Но никогда не отправлял.

Неудивительно, что на ее уроках были лучшие посещаемость и успеваемость учеников. Девчонки только воротили носы, но понятно было, что завидовали.

И неудивительно, что она быстро выскочила замуж, так же быстро ушла в декрет и больше не вернулась, по крайней мере в нашу чертову школу.

Вместо нее пришел усатый биолог. Настоящий ботаник. Мы звали его Макс и засовывали ему в сапоги снег, клали на стул кнопки, прятали мел и делали еще много чего нехорошего, входящего в список классических школьных приколов и пакостей.

Успеваемость, разумеется, резко снизилась.

Я потом еще долго не мог забыть эту родинку и встречался исключительно с девушками, у которых была подобная или хотя бы какая-нибудь мушка на лице.

Выпускной.

Пьяная Светка.

Пьяная Дашка.

Пьяная Катька.

Пьяная Надежда Валентиновна – классуха.

Пьяненький Андрей Васильевич – директор.

Пьяные родители.

Пьяные выпускники.

Все были пьяные.

И я не исключение.

Ничего особенного. Танцы, клятвы в вечной дружбе,

неожиданные признания и откровения в адрес друг друга, поцелуи за лестницей, кто-то в обнимку с Катькой, кто-то в обнимку с унитазом, родители, умоляющие поучаствовать в конкурсах. Антоха и Вика закрылись в классе на четвертом этаже. Красавчики. Леха и гитара – неразлучная пара. «Моя девушка», как он ее называл. Реальной-то не было. Играть потому что надо было нормальные песни, а не его бесконечную «Я солдат». Напророчил, кстати, и с первого курса его отчислили, и пошел разгуливать по плацу. Я и Ланка тоже спрятались под лестницей, но не успели даже толком поцеловаться. Подняли крик. Вася перебрал, и его стало рвать прямо на пол в спортзале. Он был бледный, как мышь, хотя и улыбался, когда его увозили на скорой.

Все как-то резко протрезвели. Родители вспомнили, что они взрослые, отобрали весь запас топлива, кое-что, правда, удалось спрятать, стали капать на мозг, что быть взрослыми – это прежде всего ответственность, а не возможность набухиваться безнаказанно. Учителя в последний раз давали свои наставления, что нужно всегда тянуться к знаниям, даже на пенсии, потому что «знания – это свет», называли нас балбесами, но уже без злобы, а даже как-то с грустью. Мы, хоть и самый худший класс, что когда-либо у них был, но остальные-то еще хуже.

Потом все поперлись встречать рассвет. И вроде романтика, но по трезваку нас с Ланкой так и не потянуло друг к другу. У нее была слишком маленькая мушка, еле заметная,

да и светлые волосы мне никогда не нравились. А я, видимо, не особо тянул на роль долгожданного принца.

* * *

Универ.

В универ я не поступил. Подал документы на юрфак, затем на журфак. В итоге – даже близко не первый в списке. В армию идти не хотелось. Пошел в училище культуры. Хоть какая-никакая, а отсрочка. Мальчиков на режиссерском не хватало. Меня взяли даже с моим уровнем.

Я читал стихотворение Тютчева.

Я читал басню Крылова.

Я пел про «Ой, мороз, мороз» и «Катюшу».

Я танцевал вальс с какой-то коротко стриженной студенткой, сидевшей на вступительных, но мы двигались по-разному. Абсолютно вразнобой. Она смотрела на меня как на умственно отсталого. Я на нее – как на звезду погорелого театра.

Я танцевал со стулом.

Я честно сознался, что не очень люблю театр, но больше никуда не поступил, а в армию идти не хочется.

Мастера звали Александр Сергеевич. Или Сергеич, как все потом называли.

Он поблагодарил за честность.

Он сказал, вы приняты. В вас есть что-то живое, настоя-

щее, аутентичное.

Я подумал, что он обозвал меня аутистом. Но, главное, взяли.

Первый курс.

Одноклассники уезжали в Москву.

Одноклассники учились на юристов, медиков, психологов, экономистов, лингвистов, программиста, историка.

Одноклассницы выходили замуж.

Первой замуж вышла Ланка. Приглашала на свадьбу.

Я не пошел.

Я учился на руководителя театрального коллектива и никому не рассказывал про это.

Да я вообще перестал общаться с одноклассниками.

Однокурсники были фрики.

Миша – поклонник Гарри Поттера. Гарри Поттера, Карл! На собеседовании он сказал, что посмотрел фильм про «этого самого Гарри Поттера и тайную комнату» и решил стать актером. У Миши был шрам на всю шею, стрижка под ноль и хриплый голос. Он ходил в сером пиджаке в мелкую крапинку и потрескавшихся кожаных кроссовках и постоянно пел про Жигана-лимона. Сейчас, кажется, он работает таксистом, но точно утверждать не могу, да и вообще мне по барабану, кем и где он работает. Мы с ним здоровались и то не каждый раз.

Гуля была тихоня. Узкие черные глаза, какие-то огромные темные кофты, стрижка «ежик» и тяжелые ботинки с

толстыми подошвами. Ладно, хоть не готка. Не знаю, почему ее взяли на курс, но говорила она тихо, неуверенно, а вот рисовала шикарно. У меня до сих пор где-то валяется пара ее рисунков. Задумчивые драконы с короткими крыльями и печальными глазами. Почти такой же, яркий, как граффити, красовался у нее на плече. Мы все переодевались за кулисами, не стесняясь друг друга, и каждый раз я с восхищением смотрел на ее тату. Даже на репетициях она рисовала. Странно, что она не пошла в художку. Это было бы логичней.

Все думали, что Гуля лесба, по крайней мере, ее никогда не видели с мальчиками. Мне так не казалось. Пару раз по пьяни я увязывался за ней и намекал, что неплохо бы нам перепихнуться, но получал неизменные нет. Вполне возможно, у меня могли быть шансы, если бы я намекал до того, как выпитое мной стремительно и неожиданно вырывалось наружу, а не после.

А вот Вова пил в два раза больше моего и не пьянел. Вернее, он просто вырубался, а утром был как огурчик. Может, потому, что заедал исключительно огурчиками, не знаю. Меня огурчики не спасали совершенно. Но вот перегара, причем убойного, избегать ему все же не удавалось.

У Вовы были огромные уши, мелкие кудри, как у барашка, и здоровенные мозолистые руки. Вроде уже не жил в деревне и не работал, но мозоли все равно не проходили. Как и я, он не хотел идти в армию, а все это актерство ему было до одного места. На парах он сидел на последней парте и спал.

Если бы это было нормальное учебное заведение, его бы будили и делали замечания, лишали стипендии и все такое, но это был обыкновенный кулек, и на Вову никто не обращал внимания. Он все время говорил: «А вот у нас в деревне» – и изображал разных дядь Вась, тетя Марушь и прочих колоритных персонажей. Делал он это, надо сказать, первоклассно, но как только доходило до репетиций Чехова и Островского, все мастерство куда-то испарялось, и Вова становился еще более деревянным, чем Миша.

Всего нас училось тринадцать человек. Остальные тоже были чудаковатыми, но не настолько.

Катя три раза поступала в театралку, но успешно проваливалась. И неудивительно: экспрессия – ее второе имя. Даже «кушать подано» она произносила так, словно ее ломало от передоза. Хотя, наверное, каждый третий заваливал вступительные на актерку института. В училище брали всех.

Юлька твердила, что театр – это рупор, и она пришла вещать всем женщинам, что они не могут называться женщинами, пока не выполнят свою священную обязанность и не пророжаются. Она именно так и говорила – «пророжаться».

«Да как ты не понимаешь, – убеждала она несчастную Гулю, – каждая, абсолютно каждая женщина должна пророжаться».

Сама она не смогла забеременеть – не все в порядке со здоровьем. Но ее даже Сергеич побаивался.

Нина фанатела от Агузаровой.

Стася писала рассказы и пьески про ангелов.

Марина красила волосы в розовый и говорила о Зощенко «тот, что про щенков писал».

Вероника – анорексичка.

Лера картавила, носила дреды, широкие штаны и читала рэп.

Тома смотрела «Дом-2», мечтала стать его участницей и несколько раз отправляла свою анкету.

А Женька хохотала как ненормальная. Всегда. Даже если никто не смеялся.

С такими людьми мне приходилось не только учить историю театра или основы звукорежиссуры, но и контактировать на сцене, играя в различных этюдах и сценках.

Хотя на парах я бывал от случая к случаю. Мастерство старался не пропускать, а на все остальное забивал без сожаления.

Обидно бывало только, когда решался-таки прийти, а пару, как назло, отменяли.

Очень часто я думал, что я здесь делаю вообще?

Хотя так каждый второй, наверное, думал.

Еще раздражали танцоры и, почему-то, оркестранты. Первые строили из себя непонятно кого, вроде как мы такие звезды-звезды, что хоть завтра в Большой театр, а вторые – очень жалкие. Так и хотелось их чмырить. С одним я схлестнулся не на шутку. У него оказались крепкие руки, на тубе, наверное, играл, но я все равно навалил ему по первое

число. Правда, потом они подкараулили и отметили меня всем отделением.

Вот в этом они молодцы, держались вместе, как настоящий оркестр.

А у нас в группе все сами по себе были. Я общался только с Вовой и то, в основном, тостами, и немного с Гулей.

Сергеич говорил, что мы должны сплотиться и быть как одно целое.

Но ничего подобного не происходило.

* * *

Второй курс.

Новогодние утренники.

Новогодние утренники.

Новогодние утренники.

Это ад. Мы должны были «дедморозить» по очереди. Но «дедморозил» только я. За мероприятие я переодевался по семь раз, а если учесть, что в день у нас было по три-четыре утренника, то получалось и все тридцать. О накладках даже вспоминать не хочется. То борода отвалится, то какой-нибудь особо талантливый и расторопный ребенок как засадит со всей силы по коленке. А как знатно потелось под кучей одежек, свитером, шубой и валенками, это просто сказка – покруче всяких саун.

Вова и Миша на Дедов Морозов не тянули. Играли злоде-

ев, пиратов, придворных, снеговиков.

Гуля была Снегурочкой.

В остальном второй курс не сильно отличался от первого.

Мы покупали домашний самогон в окошке частного дома.

Вова закусывал огурчиками.

Гуля отбивалась от моих навязчивых подкатов.

Я прогуливал пары.

Я обходил стороной оркестрантов.

Я получал кормовые сорок с чем-то рублей и покупал на них две порции пельменей.

Я репетировал Плюшкина по пьесе «Мой милый Плюшкин».

Я носил лосины на танцах.

Я спал за кулисами.

Я гримировался в старика и скелет.

А потом...

* * *

Отчисление.

Я опоздал на прогон «Плюшкина». На полтора часа. Пропал.

Сергеич был в гневе.

Сергеич сказал: «Возмутительно», – и схватился за сердце.

Сергеич сказал: «Вы в гроб меня вгоните».

Сергеич сказал: «Убить тебя мало!»

Сергеич сказал: «Пошел на хрен!»

Сергеич сказал: «Показа не будет, – и добавил, – чтобы больше тебя не видел».

Он поставил мне двойку за мастерство, впервые за 20 лет своей преподавательской деятельности.

Катька ревела.

Катька готова была меня убить.

Она засадила мне кроссовкой между ног и никогда больше со мной не разговаривала.

Через неделю на доске вывесили приказ о моем отчислении.

В военкомате узнали, в военкомате обрадовались и тут же прислали мне повестку, но я сломал руку и получил очередную отсрочку.

Не радовала меня поездка в армию.

Удивительное дело, но когда меня отчислили, я вдруг понял, что в училище было не так уж и плохо. Не знаю, может, сработал эффект отнятой игрушки, а может, я успел привыкнуть и даже немного полюбить это лицедейство и прочие театральные прибабасы, но мне определенно захотелось вернуться и доучиться до конца.

Поэтому летом я подал заявление на восстановление и восстановился, так как с мальчиками по-прежнему была напряженка.

Восстановился.

Новый курс был еще меньше моего. Всего два парня: я и Валера. Да, этот самый Валера, который сегодня меня уволил. И семь девчонок. Немного адекватней наших, но лишь немного. Спасибо, хоть про «пророжаться» никто не рассказывал.

С Валерой мы быстро нашли общий язык. Еще бы – один среди семи театралок, да он даже Мише был бы рад, а я намного приятнее Миши. Нет, Валера, конечно, пытался воспользоваться положением, даже подкатывал чуть ли не ко всем сразу, но быстро понял, что ни к чему хорошему это не приведет. Да и девчонки гораздо охотнее поглядывали на поджарых танцоров, а не на пузатенького Валеру.

Мы реально сдружились.

Мы оба отрастили бородки.

Мы зависали в барах.

Мы рубились в «Контру» по сетке.

Мы играли Деда Мороза по очереди.

Мы придумывали и записывали какие-то дурацкие песни на диктофон.

Нас стали называть близнецами, хотя мы не очень-то похожи.

Я вдруг стал получать кайф от учебы, от репетиций, бес-

конечных выяснений, кто выкладывается по полной, а кто нет, от неоправданных обвинений в отсутствии таланта и от совсем не робких надежд на попадание во МХАТ или «Современник».

Валера смотрел на мир более практично, и это мне в нем нравилось. Он постоянно находил какие-то халтуры, халявы, акции, никогда не сидел без налички, но при этом не жмотился и угощал топливом.

И лишь редкие встречи с Сергеичем и его испепеляющий взгляд добавляли небольшую, но вполне ощутимую ложку дегтя в мою практически медовую учебу.

* * *

И мозг решил сделать передышку, словно дальше ничего не происходило, словно здесь запряталась причина, и нужно ее непременно найти. Но есть ли она? Да и главное – зачем? Зачем мне знать, за что, даже если есть за что? Ну, узнаю я, что изменится? А ничего. Это меня спасет?

Нет.

И захотелось еще сильнеею напитаться.

Захотелось набрать побольше воздуха в легкие и кричать долго и пронзительно.

Захотелось позвонить Алисе и послать ее подальше.

Она называла меня алкоголиком, говорила, что я бухаю, как сапожник.

А меня тошнило не от топлива. Я же чувствовал...

Захотелось послать этот проклятый кривоногий «Спартак». Столько лет болеть, верить, но все впустую. Видимо, так и не увижу чемпионства.

Около года.

Сколько это?

Триста сорок? Триста двадцать девять? Ну, пусть будет триста, чтобы ровное число. Минус сон. Вот и двести. Восемь часов же нормальный сон.

Нормальный. Ха! Спать восемь часов – это роскошь. Теперь только четыре. Только четыре, ну пять...

Итого 250 дней.

Что такое 250 дней? Когда все они как один и летят со скоростью света.

Я начинал себя жалеть. Это же все. Все... Чертовы десять месяцев, и до свиданья, конец, титры. Ничего не будет. Вернее, все-то как раз и останется, а вот как представить себя вне этого всего? Просто невысказанно.

Не буду есть вопперы.

Не буду есть фунчозу, только-только ее распробовал.

Не буду ездить в лифте, в трамвае, маршрутках.

Не буду хвататься за голову после очередного поражения «Спартак» или сборной и вспоминать все крепкие, но очень точные слова, подходящие как никогда лучше.

Не буду покупать подтяжки по акции.

Не буду смеяться над новым очередным бредовым зако-

НОМ.

Не буду смеяться над очередным пафосным фильмом Бондарчука.

Не буду пересматривать любимые КВНовские команды и смеяться.

Хотя я давно уже не смеюсь над новыми выпусками и командами, ведь КВН уже не тот, совсем не тот.

Не буду вечерами ненавидеть Урганта.

Не буду мечтать о том, что когда-нибудь на голову мне упадет миллион. Евро, конечно же. Только евро.

И дико захотелось фунчозы. И «Баскин Роббинс». Но ни того, ни другого, разумеется, не было.

Еще и топливо предательски закончилось. Как всегда, в самую нужную минуту, подносишь бутылку, а в ней ни капли. А идти куда-либо нет ни желания, ни силы.

Все, приплыли.

Вот так завалиться, растечься по дивану, как масло, и отбросить копыта к чертям собачьим. Только и всего. Раз, и там.

Только и всего.

Но если бы все было так просто.

Рука потянулась к телефону, не удержался, набрал Алису.

Не берет.

Позвонил еще раз.

Не берет.

Бог любит троицу.

А еще обламывать.

И из меня полился поток негодования, боли, обиды, желчи и выпитого алкоголя.

Хорошо хоть тазик догадался поставить заранее.

И отрубился.

У меня чертов рак...

Шикарно началась неделя.

* * *

Я проснулся в 4 утра. Голова трещала и мстила мне с невероятной силой. Под глазами мешки. В глазах резь. Вены вздулись на висках и пульсировали. Лицо отекло и раздулось так, будто я всю ночь зависал на пасеке с пчелами. Болело все, даже язык и переносица. Так тебе, неудачник.

Пробовал снова уснуть, но куда там. Пришлось укутаться теплее и включить «Во все тяжкие». Не зря же качал. А со сном так и получилось – четыре часа, если не меньше.

Все идет по плану.

Бугага.

Смотрел на Джесси и Уолтера и начал ассоциировать себя с ними. То есть раньше я просто смотрел, ну, мол, что вы еще нам покажете? А теперь я понимал, что чувствовал главный герой. Но лучше бы такое не понимать. Никому.

Может, тоже начать варить мет?

Очень смешно.

Да и я не учитель химии.

Химия.

Химиотерапия.

Звучит как насмешка, конечно.

Хотя теперь все звучит как насмешка.

* * *

И снова вспышки памяти.

Выпускной в училище.

Два года в Волгограде.

Вернулся обратно.

Несси.

* * *

Выпускной в училище.

Очень напомнил выпускной в школе, разве что...

Не было родителей.

Никто не прятал топливо.

Никого не увезли на скорой.

Никто не говорил про открытые двери во взрослый мир.

Никто не пел «Я солдат».

Валера схлестнулся с оркестрантами, и началось кровавое месиво. Они отпинали всех, даже директору немного доста-

лось и, что порадовало, Сергеичу. Бой вышел непродолжительным, но очень интенсивным. Сорвали кулису, разбили вазу, дважды пустили кровь. Без крика и участия девчонок тоже не обошлось. И лишь когда один из оркестрантов проломил ногой сцену, все как-то быстро протрезвели, пришли в себя, обнялись, пожали друг другу руки. Даже мы с Сергеичем помирились. Он похвалил мою дипломную работу, сказал, что я неплохо сыграл Базарова, хотя всегда есть куда расти, и что, если бы не отсутствие дисциплины, он бы мог за меня замолвить словечко Денисову, он как раз набирал актерско-режиссерский курс в институте. Но так как он не уверен во мне, тем более после такого катастрофического косяка, то не будет просить. Вот и надо было дразнить? Но это мелкая и отвратительная черта театралов – поддеть, уколоть, унижить. Обидчивые натуры.

Я не очень-то хотел в институт, тем более снова в театральный, но отсрочка на 5 лет мне явно бы не помешала. Вот явно бы.

Придя в норму, оркестранты собрались вместе и славали «макарену», что-то еще веселое, а затем перешли на творчество старого доброго Шнура и группы «Ленинград». Ох, уж эти оркестранты.

Все танцевали как угорелые, а после с теми же оркестрантами приводили актовый зал в порядок и чинили сцену.

Напоследок наш курс показал пародии на преподав и спел слезливую песенку о прекрасных годах, проведенных в учи-

лице, и о том, как сцена нас сплотила и стала неотъемлемой частью жизни. Вранье, конечно.

Я, например, больше ни разу в кульке не появлялся. Да и многие так же.

* * *

Два года в Волгограде.

Нет, я не служил там. Хотя мог. Собственно, я поэтому и оказался в Волгограде, чтобы не служить.

Снова ломать руку мне не хотелось, альтернатив было немного, не дожидаясь повестки в военкомат, я рванул куда подальше. Почему-то захотелось в Волгоград. Юг все-таки, там теплее и люди не такие суровые.

Я подал документы во все вузы, какие только смог, но везде провалился.

В театральном мне сказали, что у меня ужасный говор, а как узнали про училище, так и вовсе скривились и посоветовали забыть про карьеру артиста. Переучивать меня никто не возьмется.

Не больно-то и хотелось.

С остальными универами тоже не заладилось. Не то чтобы я такой тупой, но результаты ЕГЭ у меня далеко не лучшие.

Гребаное ЕГЭ.

Гребанный рак.

Хотя он, в общем-то, ни при чем, и его тогда не было.

Надо вот было вводить это дебильное ЕГЭ? Все кавказцы уделали меня по русскому языку. Такое мыслимо вообще? Да половина из них предложение толком составить не может. По сто баллов набирают.

Короче говоря, я засел на дно, чтобы военком не смог меня отыскать.

Не скажу, что мне жутко понравилось в Волгограде, но там есть:

Волга.

Мамаев курган.

Панорама Сталинградской битвы.

Котлеты по-киевски.

Длинный проспект Ленина. За два года я так и не смог пройти его целиком. Но пытался неоднократно.

Еще, что удивительно, раньше он назывался Сталинградом, но в городе несколько памятников Ленину, причем довольно крупных. Они даже в какие-то списки рекордов входят. А памятников Сталину нет, что тоже логично.

Красивых домов там немного, но и это понятно. В Отечественную ему досталось по самое не балуй, и город превратился в руины. Его отстраивали заново, и тут уже было не до красоты и помпезности.

Я снял крохотную однокомнатную квартирку с фиолетовыми обоями и вечно протекающим краном в Кировском районе и устроился работать аниматором в контору со странным названием «Карандаш».

«Карандаш» – мы разукрасим ваши серые будни.

Вот тогда я по-настоящему возненавидел детей. Это маленькие монстрики. Вернее, маленькие они только по росту, а вот монстры гигантские. Просто немыслимые.

Не было ни одного праздника, с которого бы я не ушел оглохшим, с подбитым глазом, с синяками на руках и ногах или порванным костюмом.

Дети висли на мне.

Дети визжали, как ненормальные.

Они пинались, царапались, кусались.

Дети бросались в меня едой.

Дети плакали и боялись меня. Но не все, к сожалению.

Кем я только не был за эти два года.

Человеком-пауком.

Джеком-воробьем.

Фиксиком.

Халком.

Индейцем.

Супермэном.

Варваром.

Долбаным клоуном.

Долбаным мимом.

Долбаным Пикачу.

Каждые выходные я порывался бросить разукрашивать серые будни детей и их родителей, но мне нужны были деньги. А наше прекрасное училище как-то не сильно позаботи-

лось о том, чтобы разнообразить наши умения в зарабатывании денег. Так что единственное, что я мог, – сменить агентство, но какой в этом был толк?

К тому же иногда, правда, очень редко, у меня получалось кайфовать от того, что я могу заставить людей улыбнуться или делать нелепые и глупые вещи, прикрывая это условиями конкурса.

Ради конфеток они прыгали с бутылками между ног, переносили яйца в ложках, держа их во рту, или изображали персонажи фильмов или известных артистов. Танцевали подурачки, да еще и радовались как дети. И фотографировались со мной, как будто я был крутым спортсменом или реальной суперзвездой.

Но главное, что не надо было по восемь часов просиживать в душном офисе. Свободное время – для кого-то роскошь, а у меня его было столько, что хоть на зиму засаливай. Летом я валялся на пляже, осенью и весной зависал на набережной, а зимой на концертах и в кино. Изредка захаживал в клубы, но там слишком душно и пафосно. Не люблю понты и долбаный пафос.

За два года я накопил денег достаточно, чтобы откупиться от армии, и

* * *

Вернулся обратно.

С армией оказалось немного сложнее, чем я рассчитывал. Все-таки мне срок светил. За это тоже пришлось проплачивать. В итоге написали, что у меня плоскостопие и дикое искривление позвоночника, дали мне военник и велели гулять на все четыре стороны и молиться, чтобы не было войны.

Может, это из-за армии?

Да что, я один такой, что ли? Отмазавшихся больше, чем тех, кто служил. Но как-то далеко не всем достается, как мне.

Мать первым же делом всплеснула руками, мол, поухдел-то как. Стала откармливать. Но мне это дико не понравилось. Через неделю съехал от нее на квартиркостудию с бежевыми обоями, хотел их переклеить, но хозяйка попалась не очень и не разрешила.

Связался с Валерой, он тоже работал аниматором. Позвал к себе. Я выбирал между «Связным» и «Волшебным лесом», так называлась контора, в которую звал меня Валера. Победил «Лес», опять же из-за свободного времени. Ну, и со знакомыми приятнее, разумеется, батрачить.

И вот я снова в костюме Джека-воробья, а дети такие же крикливые и агрессивные, как в Волгограде, видимо, они везде такие. У Валеры, кстати, намного лучше получалось с ними справляться. То ли они его боялись, то ли, наоборот, принимали за своего, но его никто не кусал, не пинал и не боялся.

Он и свадьбы проводил с легкостью, о которой я мог только мечтать.

«Пожелаем мы вместе
Жениху и невесте».

Его называли вторым Ургантом. Неудивительно, что он быстро поднялся и открыл свою контору, в которую по дружбе перетащил и меня. До сих пор не понимаю, зачем. Я был явно не тем работником, которым можно гордиться и желать во что бы то ни стало заполучить. Видимо, ценил нашу дружбу.

Мы играли в бильярд.

Мы зависали в саунах.

Мы катались на снегоходах и ездили на рыбалку.

Мы напивались в барах и клеили официанток.

Одна из них осталась с Валерой надолго, и он сделал ей предложение.

Больше мы уже не тусили, и Валера стал более официально ко мне относиться.

Я переехал в квартирку побольше. Тут же переклеил обои в серый цвет с изображением различных храмов, дворцов и прочих шедевров архитектуры, чуть не завел себе собаку, но вовремя одумался.

С матерью виделся крайне редко. Она начинала капать на мозг, пересказывала сериалы, программы, ругала депутатов и говорила, что нужно менять профессию, пока не поздно, мол, сказали, что будущее за менеджерами, а я ни разу не менеджер. И все в таком духе.

Ей бы найти кого себе, но она и не пыталась, да и кому

нужно слушать пересказы этих чертовых сериалов.

Она смотрела первый канал.

Она смотрела второй канал.

Она смотрела третий канал.

Она смотрела четвертый и пятый, и шестой, и все остальные каналы, даже детские и спортивные.

А я на одном из своих мероприятий встретил

* * *

Несси.

Вообще-то, ее звали Инесса, но она терпеть не могла, когда ее называли полным именем.

У нее были роскошные длинные черные волосы ниже плеч.

У нее было тату в виде леса и стаи птиц на руке.

Она слушала Radiohead.

Она слушала Björk.

Она слушала Moby.

Она слушала Gorillaz.

И немного Nirvana.

Из русских Несси зависала на «Маше и медведях», хотя их давно уже никто не слушал.

У нее была небольшая родинка слева над губой и маленький размер ноги.

35-й.

Или 34-й.

Она стояла в сторонке от всех и явно грустила. Вернее, слушала музыку, в наушниках.

А я был долбаным клоуном и решил ее развеселить. Наверное, не лучшее решение – возникнуть перед ней и начать трясти, как ненормальный, головой, корча нелепые рожи и двигаясь, как упоротый наркоман, но ничего другого мне тогда не пришло в голову.

Несси сразу мне понравилась, а вот я, скорее, напугал ее и выбесил одновременно. Неудивительно. Но главное, что мне удалось привлечь ее внимание.

После мероприятия все разошлись, а она стояла на том же месте. Набравшись смелости, я подошел:

– Привет! – банальнее не придумаешь.

Она вытащила наушник из уха.

– А ты знаешь, что у китов нет ушей? – решил заинтересовать я Несси.

Она покачала головой.

– Но они не глухие. Киты слышат при помощи нижней челюсти. Представляешь?

– Прикольно, – не сразу ответила и засунула наушник обратно.

Не заинтересовал, хотя, конечно, тоже явно не самый интересный факт. Далековато мне было до пикапера.

– Вообще-то, все кончилось.

Она снова вынула наушник и вопросительно посмотрела

на меня.

– Что слушаешь?

– Тома Йорка.

– Кто это?

Она закатила глаза:

– Radiohead.

– Можно?

Я вставил наушник себе в ухо. Раздалась приятная, хотя и немного депрессивная мелодия. Я вспомнил, что уже слышал ее. Стилль не совсем мой, но слушать можно.

– Какой альбом? – понятно, что я в любом случае не знал, но надо расспрашивать о том, что приятно другим. Я же читал Карнеги.

– Kid A, – и посмотрела на меня так, словно я спросил, как зовут Юрия Гагарина.

– Аааа, – протянул я и хлопнул себя по лбу, мол, как можно вообще было такое забыть? Позор.

Несс не отреагировала.

Я вернул ей наушник:

– Там все ушли уже.

– Угу, – кивнула она и, вставив черную ракушку наушника на место, направилась к выходу.

– Можно проводить тебя?

Она пожала плечами.

– Меня Илья зовут.

– Несси.

– Необычное имя. Редкое.

Она не ответила. Началась новая песня, и Несси полностью растворилась в музыке.

– Я только переоденусь, я быстро.

Она не слышала, но и не двигалась. Застыла, как статуя. Хочешь, лапай ее, хочешь, в сумочку залезь, хочешь, усы несмываемым маркером рисуй.

На улице шел дождь. Крупные тяжелые капли с силой барабанили по крышам, стенам домов, по деревьям, земле, по нашим макушкам. Они разбивались и стекали ручейком, смывая грим с моего лица и тушь с ее ресниц. Зонт, разумеется, никто из нас не взял. Но вместо того, чтобы спрятаться под крышу, Несси рванула со всех ног и шлепала прямо по лужам, не жалея ни себя, ни обувь. Я помчался вдогонку, а что еще оставалось делать?

Через пять минут мы уже ехали в трамвае. Мокрые, грязные, усталые.

Я пытался завести разговор.

Я выдал еще несколько фактов о китах.

Я рассказал, что хвосты китов уникальны, как и отпечатки пальцев у людей, и двух одинаковых хвостов просто не существует.

Я рассказал, что киты способны задерживать дыхание на несколько часов.

Я сообщил ей, что киты и люди – это единственные млекопитающие, которые могут петь. И что шоу «Голос китов»

выиграл белый кит Барри, потому что самыми поющими среди китов считаются белые. А наставником у него был Градский. Ведь Градский просто создан для этого шоу. Барри пел песню Селин Дион «My heart will go on». Правда вот «heart» в исполнении Барри почему-то больше походило на «hurt».

Я мог раскрыть еще пару фактов, но понял, что бессмысленно. Она даже не улыбнулась.

Я рассказал, что жил в Волгограде, в котором проспект Ленина настолько длинный, что я так и не прошел его целиком.

А потом я просто забрал у нее наушник, и мы слушали «Radiohead».

Возле подъезда я спросил: «Несси – это уменьшительно-ласкательное от Инесса?»

Она скривилась: «Терпеть не могу это Инесса, оно тупое, я – Несси».

Я сказал, что понял, и попытался ее поцеловать.

Она не далась, сказала, что это чересчур, но оставила свой номер телефона.

Я долго еще смотрел на закрытую дверь, за которой она исчезла, и думал, чем она мне так понравилась.

Она была необычная.

Она была странная.

Любям нравится все странное и необычное.

Я позвонил ей из дома:

– Я добрался.

Она молчала.

– Это я – Илья.

Она молчала.

– У тебя все нормально?

Пауза.

– Завтра увидимся?

– Окей, – и повесила трубку.

Я не стал покупать цветы, не повел ее в кафе или в кино.

Она написала сама. Филармония. 19:00. Не очень как-то идти в филармонию с цветами для девушки, а не для артистов.

Еще и рубашку на себя нацепил.

Несс была в черной толстовке «Nirvana» и черных джинсах.

Она сказала: «Привет», – и взяла меня за руку.

Она сказала: «Кобейн не носил рубашки».

Она сказала: «Антон играет в «Пулеметах», он басист».

Антон – ее знакомый, он и позвал на концерт памяти Курта Кобейна.

Пели и играли все неважно, много лажали, особенно «Пулеметы», но я смотрел, не отрываясь, на мушку Несси, которая рождала в моей голове невероятно страстные и бурные фантазии.

Под песню «Polly» она крепко сжала мою руку, и ее губы страстно впились в мои. «Polly» стала нашей песней.

С тех пор в моей жизни было много музыки. Много песен и мыслей.

Мы ходили на концерты.

Мы ходили на квартирники.

Мы ходили на репетиции.

Я так ни разу и не подарил ей цветы.

Она сделала мне тату.

Мастер Йода с лазерным мечом.

Несси была тату-мастером. И редкостным интровертом.

Даже когда мы сидели в метре друг от друга, ей было проще написать в ВК, чем что-то произнести вслух.

Во время секса Несс также не издавала ни единого звука, хотя по глазам было видно, что ее просто переполняют эмоции. Ее хрупкое и соблазнительное тело дрожало и извивалось с какой-то даже животной страстью. Я заводился еще сильнее, рычал от удовольствия, она же молча, хоть и податливо, поддерживала мои порывы. Несси было непросто держать все в себе, но что-то, возможно, психологические травмы детства, сковывало и не давало ей обнажить не только тело, но и чувства.

Я быстро привык к ее молчанию. Это намного лучше незатякающихся девушек, а таких гораздо больше. Болтовня реально раздражает. Тишина притягательна. В ней была загадка, которую хотелось непременно исследовать и раскрыть. Людям интересно все новое и неизвестное.

К тому же она необратимо нравилась мне внешне. Аккуратные тонкие губы, мягкие пушистые волосы, глубокие карие глаза и милые пухлые щечки. Все это во мне вызывало

бурю щенячьего восторга.

Мушка же с каждым днем все сильнее захватывала мои чувства. Она магически действовала на меня, гипнотизировала, сводила с ума. Я уже не мог представить и дня, проведенного вдали от этой манящей коричневой бусинки.

Через неделю Несси переехала ко мне вместе со всем оборудованием и клиентами.

Я любил смотреть, как она работает, как старательно выводит рисунки, иероглифы и надписи на плечах, руках, ногах, шеях, щиколотках своих многочисленных клиентов.

Ей не нравилась моя работа, но частенько она ходила со мной, надевая эту потрепанную толстовку «Nirvana», сидела так же в стороне ото всех и изредка улыбалась мне в ответ.

Она пила виски, запивала колой, но делала это крайне редко и мало, так как быстро пьянела.

Алкоголь менял ее, добавлял разговорчивости и агрессивности.

Как-то мы пили втроем с Валерой. После третьей стопки она стала прогонять Валере, что мы занимаемся настоящим дерьмом. Мы не дарим людям праздник, а тупо убиваем их и свое время, помогаем всем деградировать, хотя они уже и так деградировали дальше некуда. Валера только усмехался в ответ, но когда Несс назвала его грязным ублюдком и сказала, что он неминуемо будет гореть в аду, приукрасив свой спич парой крепких выражений, явно обиделся и чуть не уволил меня. К счастью, Несси практически тут же отру-

билась, а мы с Валерой выпили мировую и, обнявшись, спели «Черный ворон».

Люди не любят, когда им желают гореть в аду.

Утром Несси сама извинялась и утверждала, что ничего подобного у нее и в мыслях не было. Говорила весьма убедительно, да и не верилось, глядя на нее, что она может искренне желать кому-то зла.

Правда, подобные вещи повторялись несколько раз, доставалось и мне, но я не мог злиться на Несси, что бы она ни говорила и куда бы ни посылала меня.

Я не хотел знакомить ее с матерью.

Мама пришла сама. Никогда не приходила, а тут пришла.

Несс стояла в одной майке, зевая, и долго не могла понять, кто перед ней и что ей вообще нужно.

Мать резко высказалась о ее виде, наверное, позавидовала стройным ногам, и стала требовать одеться и привести себя в порядок. Назвала тату мерзостью, хотя рисунок у Несс вполне симпатичный и невинный, наорала заодно и на меня, что давно не объявлялся, а тут еще и собрался жениться, не спросив у матери.

Я не собирался жениться, по крайней мере тогда. И вообще не понял ее истерики. Но мать ничего не хотела слушать, заявила, что Несси мне не пара, и, обидевшись, ушла.

Несс тоже ушла. Так же тихо и неожиданно, как и появилась. Просто исчезла, и все.

Проснулся, а ее рядом нет. Ни ее, ни оборудования, ни

ее вещей, расчески, зубной щетки. Ничего. Даже записки не оставила.

Я тут же кинулся звонить, но номер был заранее удален из телефона. Поехал к ее старой квартире. Там никого. Еще неделю я каждый день приходил к тому подъезду, но все тщетно. Она как в воду канула.

Пробовал искать через «Пулеметов».

Ходил на концерты.

Ходил во все места, где мы были вместе.

Ходил в места, где мы не бывали вместе.

Пробовал искать знакомых, но у нее словно не было никаких знакомых.

Все бесполезно. Ни единой ниточки. Ни одного намека. А я так и не раскрыл ее загадку. Может быть, поэтому она и ушла.

А может, ее и не было.

Но Валера-то помнит. И мать помнила. А вдруг это она вмешалась?

Но мать уверяла, что вообще ни при чем. А то, что Несс ушла, прекрасно, она не пара была мне – развратная и руки размазанные, как у головорезов.

А ведь она мне нравилась. Очень нравилась.

Но все, что мне осталось, – «Radiohead», заслушанный до дыр, и мастер Йода на плече.

И вот за что? За Несс? Я даже не знаю, почему она ушла. Чем я ее обидел? И обидел ли?

И меня накрыло. Включил Тома Йорка и стал вспоминать Несси.

Ее волосы.

Ее тату.

Ее запах.

Ее родинку.

Том жалостно завывал, и от этого становилось еще горше.

Том пел. Песню за песней. А я только слушал и валялся и едва сдерживал слезы. Все тело ныло, сил не было абсолютно. Я жалел себя и ненавидел всех. Мне казалось, что все, совершенно все виноваты в том, что случилось, в том, что я болен.

Бог, люди, птицы, насекомые – все хоть как-то повлияли на этот диагноз, приложили свою руку, лапу, крыло, хвост к тому, что у меня оставалось всего 250 долбанных дней. Чертовы тараканы выживают при любых условиях. Но я не таракан, я человек. Как бы мы ни были сильны, есть немало вещей, перед которыми мы все же бессильны.

Бессильны, черт возьми!

Мы слишком уязвимы.

Как далеко бы мы ни продвигались в покорении космоса,

здесь, на Земле, мы остаемся все теми же маленькими и беспомощными людьми, могущими в одно мгновение, всего в одно малюсенькое мгновение исчезнуть навеки, превратиться в горстку никому не нужного пепла.

Memento mori, как говорили предки.

И это было как насмешка, постыдный плевков в спину или подножка. Раз, и ты уже на земле, оплеванный, грязный, со сломанными конечностями.

Я вышел в интернет и стал читать различные форумы. Затем начал разглядывать фотографии. Жуткие фотографии.

Я смотрел на совершенно лысых людей, похожих на инопланетян.

Я смотрел на людей без бровей.

Я смотрел на осунувшихся людей.

Я смотрел на ссутулившихся, съежившихся, как старики, людей.

Я смотрел на людей с потухшими глазами.

Я смотрел на людей в инвалидных креслах.

Я смотрел на людей на больничных койках.

Я смотрел на людей, обвешанных всевозможными медицинскими аппаратами.

Многих из них уже нет. Кто-то еще боролся, но таких было мало. Тех, кто смог победить болезнь, – единицы.

Их истории я читал запоем. Настоящие голливудские блокбастеры. Что ни человек, то Геракл – сплав стойкости духа и готовности к риску и экспериментам. Лекарство из

бузины, лекарство из водки и подсолнечного масла, грязевые ванны, голубая глина, зеленая глина, белая глина, поедание песка, голодание, молитвы, обряды – на что только не решались эти бедолаги, цепляясь за жизнь и возможность хоть на мгновение ее продлить.

Лекарство из бузины? Серьезно? Больше похоже на передачу Геннадия Малахова.

И тут меня снова начало тошнить. То ли от просмотренного, то ли от выпитого, то ли из-за болезни, то ли все вместе – не знаю. Но эта рвота уже конкретно напрягала.

На шатающихся ногах я добрался до ванны.

Неделя не задалась. Ха-ха.

У Бога отличное чувство юмора.

Посмотрел в зеркало. Вид ужасный, почти такой же, как у тех бедолаг из интернета. Глаза ввалились, неестественная бледность, вены вздулись. Хотя еще вчера ничего подобного не было.

Сжал кулаки, набрал воздух в легкие и крикнул в полную мощь. Еще и еще. Я решил проораться, пока не свалюсь обессилено на пол или пока не появятся соседи и не начнут ломиться в дверь. Но силы не заканчивались, как и терпение соседей. В двери никто не стучал и не звонил. И я продолжал.

Лицо покраснело от натуги. На лбу еще сильнее вздулись вены. Внутри что-то жгло с невероятной силой. Мне было больно. Мне было чертовски больно в области сердца.

Алиса.

Да катись ты лесом, Алиса!

Как только я мог вообще связаться с тобой?

И очередная порция воспоминаний нахлынула безудержным потоком, утопив в себе все остальные мысли и чувства.

Как чертов кофе, мозг растворялся в этих воспоминаниях.

Свадьба с Альбиной.

Развод с Альбиной.

Авария.

Онлайн-покер.

Уволился с работы.

Устроился оператором квеста.

* * *

Свадьба с Альбиной.

Я сам не понял, как все произошло. Я долго не мог забыть Несси. Очень долго.

Чувствовал себя личинкой в этом огромном и жестоком мире. Беспомощной и раздавленной.

Ненавидел ее.

Молил Бога, чтобы она передумала и вернулась.

Видел в каждой темноволосой девушке ее и только ее.

Напивался до отключки.

Даже ходил к гадалке и просил наколдовать ее возвраще-

ние.

Несс не вернулась.

Валера посмеивался надо мной. Подкалывал, разыгрывал, присылал веселые картинки в соцсетях – поддерживал как настоящий товарищ.

Ему надоело смотреть на мою кислую рожу, и он вытащил меня на свидание с Альбиной. Я не хотел идти, а он не хотел ничего слушать, схватил за грудки и реально приволок на свидание.

Мне не понравилась Альбина. Вернее, мне было все равно, Альбина или Наташа, да хоть Скарлетт. Я думал о другой. Я вообще ни о чем и ни о ком не мог думать, кроме нее. А тут на тебе Альбину и забудь раз и навсегда свою Несси. Не все так просто, господа, не все так просто.

У Альбины была родинка на щеке. Тоже родинка. Совпадение или Валера знал, я так и не выяснил. Но у Несс была милая родинка, маленькая завораживающая мушка, а у Альбины – настоящая родинка, больше и гораздо темнее. А еще у нее не затыкался рот. Вообще ни на секунду. За минуту знакомства она успела рассказать не только про всю свою жизнь и жизнь своих родственников на данный момент, но и про то, чем планирует заняться в ближайшие двадцать лет. Не скажу, что у нее самый приятный голос на свете, но это ее нисколько не смущало. Стеснение? Нет, не слышала. Она четко знала, что и когда ей нужно. Такой напористости можно только позавидовать.

Поэтому я сам не заметил, как быстро закончился ужин, после которого мы сели в забрызганное грязью такси и поехали ко мне.

У нас ничего не было. Дома я, конечно, сообразил, что к чему, и буквально вытолкнул ее в подъезд. Но, повторюсь, Альбина не из робкого десятка. Она целеустремленная. Уже на следующий день она пришла к нам в контору на обед и принесла свои фирменные пирожки. Специально для меня пекла. Какая забота!

Готовила она, должен отметить, прекрасно. Собственно, это лучшее, что в ней было и, наверное, есть. А какой мужчина не любит вкусно пожрать? Всем же известно, что путь к сердцу мужчины лежит через долбаный желудок. Нет, сердце мое она не завоевала, но подступила довольно близко к нему. На следующий день Альбина принесла котлеты с ризотто, а еще через сутки рулеты с курицей и грибами.

И я снова стал жиреть, как кот на деревенской сметане.

Очень трудно отказать человеку, когда он несет тебе полную тарелку дымящихся пельменей.

Или фаршированных перцев.

Или огромную сочную пиццу.

Или мяса по-французски.

Или грибного супа-пюре.

Или нежной мясной запеканки.

Принцип в общем-то ясен.

Через неделю она переехала ко мне, а через месяц намека-

нула, что неплохо бы нам и расписаться. Это явно было не то, о чем я мечтал. Но, снова повторяюсь, Альбина целеустремленная, и было очевидно, что просто так она не отстанет, решила, что я гожусь ей в мужья, и значит, сделает все, что потребуется, хоть отрежет мне руку или ногу, пока и я не начну думать ровным счетом так же.

Я не хотел жениться. Тем более на Альбине, я по-прежнему думал о Несс. Но шансы на то, что она вернется, были гораздо прозрачнее того, что Альбина простонапросто возьмет меня измором.

И я согласился на штамп в паспорте.

Тюфяк.

Правда, мне удалось убедить невесту в том, что пышная церемония нам ни к чему, по крайней мере, пока. Шумное торжество можно провести в любой момент, желательно через год, когда наши чувства только окрепнут, и удастся накопить приличную сумму. Она согласилась.

Все обошлось только ЗАГСом и обменом кольцами.

Ну, как обошлось?

Валера обиделся, что не сможет погулять у меня на свадьбе. Он, видите ли, за меня рад, а я лишаю его праздника. Как так можно вообще? Получается, сапожник без сапог. Работают в event-агентстве, а сам...

Он сказал: «Ну, уж своему-то провели бы «ол инклюзив»».

Он сказал: «Свадьба – это святое».

Он сказал: «Со своих грех брать деньги».

Он сказал: «С «Поленом» бы договорились на скидку. Ты же знаешь, у них шикарные ребрышки».

Он сказал: «Ну, праздника хочется, – и добавил, – в конце концов, кто тебя свел с Альбиной?»

Я ответил: «Через год, обещаю».

Но Валера – это ладно, это ерунда. У нас не было медового месяца. Не в том плане, что мы не поехали в романтическое путешествие на Карибы или хотя бы в Крым, нет. Первый месяц после свадьбы считается самым приятным, самым радостным, беззаботным, сладким, чуть ли не приторным, что логично, исходя из названия. Но ничего подобного меня не ждало.

Горчичный – да.

Уксусный – да.

Хреновый – разумеется, да.

Но не медовый и даже не сахарный.

Я думал, что это байки, чертовы штампы, что женщины расслабляются, добившись обручальных колец и печати в паспорте. Мол, можно уже выглядеть не на все сто, достаточно и шестидесяти процентов или даже пятидесяти. Что можно уже не готовить «Carré au four» или «Fricassée», вполне хватит вареников или борща. Если раньше ты был молодцом и «лучшим на свете мужчиной», когда выносил мусор или помогал с мытьем посуды, то теперь ты стал «лодырем, тварью и кровопивцем – нашел себе «рабыню Изауру», а сам па-

лец о палец не ударишь, чтобы помочь единственной и ненаглядной». Раньше помощь, теперь обязанность, и попробуй ее только не выполнить. Теперь ты становишься виноват во всем.

Долго едет лифт – виноват ты.

Отключили электричество – виноват ты.

Высокие цены в магазинах – виноват ты, потому что мало зарабатываешь.

Плохое настроение – виноват ты.

Нечего надеть – виноват ты.

Пошел дождь – виноват ты.

Осталось мало амурских тигров – виноват ты.

И даже в том, что творится в Северной Корее, виноват ты – а почему бы и нет.

Да, я мог смириться с тем, что она больше не старалась выглядеть лучше, чем есть на самом деле, в общем-то, она и без косметики вполне ничего, да и внешность не главное в человеке, да, я мог обойтись без всех этих блюд с красивым названием, готовила она все равно очень вкусно, а это главное, но вот то, что она превратилась в настоящую мегеру, думаю, такого не выдержал бы никто.

А я с самого начала не питал к ней симпатии.

И в итоге...

Развод с Альбиной.

Я не мучился с решением.

Правда, говорить ей тоже ничего не стал.

Просто подал заявление в ЗАГС.

А потом сообщил, что выбора у меня нет.

Да и у нее тоже.

Она, конечно, расสวิрепела. Накинулась на меня.

Принялась громить тарелки.

Назвала меня всеми матерными и последними словами, которые я знал, и еще парочкой, о которых даже не догадывался.

Сказала, что не даст мне развод.

Я сказал: «Ок, но жить мы не будем вместе».

Я сказал: «Съезжаю, хата все равно съемная».

Я сказал: «Не срослось, ты еще обязательно встретишь своего человека».

Я сказал: «Так бывает».

И: «Дело не во мне, дело в тебе».

Она сказала: «Да пошел ты!»

Оказалось, это был уже третий развод. Она отчаянно хотела замуж, но все мужчины сбегали от нее. Понятно почему.

С одной стороны, было немного жаль ее. С другой стороны, жизнь – жестокая штука. Да и Альбина сама виновата.

Умнее надо быть в совместной жизни, это, как ни крути, тоже искусство.

В итоге она согласилась на развод, но, кажется, еще больше разозлилась на всю сильную половину человечества. Многие после такого пробуют неклассические или, как любят говорить, нетрадиционные отношения либо на всю жизнь остаются озлобленными на целый мир старыми девами.

* * *

И что, это из-за Альбины? Вопрос, конечно, серьезный. Понятно, что к карме бонусов это не добавило. Но по-другому и быть не могло. Она сама навязалась, она мне не нравилась, она не старалась меня удержать, скорее, наоборот. Нет, я мог бы закрыть на все глаза, жить, как многие, вместе, и ладно, как – неважно. Но, во-первых, ради чего эти жертвы, а во-вторых, скорее всего, я бы намного раньше сдулся: залез бы в петлю, прыгнул бы с крыши или бросился бы под машину.

Так что это явно не из-за этого.

Вот создателей этих «синих китов» и всевозможных подобных групп ничего не трогает, ничего. Они еще, наверняка, до 90 лет, если не до ста, жить будут. Хотя достойны самой мучительной смерти. Не как большинство – сгорают за год или два, а чтобы 30, а лучше 40 лет загибаться и выть от

боли, чувствуя, как все внутри загнивает. Или привязать к ним веревки, а веревки привязать к лошадям, и чтобы медленно двигались в разные стороны, очень медленно, чтобы не сразу их на части разорвали, а все косточки им переломали. Вот чего они достойны, убудки конченные.

Но я-то не такой. Ничего подобного не делал. Никаких групп не организовывал, никого выпрыгивать в окно не призывал и не заставлял. За что? За что, я вас спрашиваю.

Нет справедливости.

Нет этой долбаной мерзотной справедливости. Как ни крути. Само слово уже не вызывает доверия.

И поэтому не прошло и недели, как мы развелись с Альбиной, и произошла...

* * *

Авария.

Возможно, это и было наказанием. А может, просто Альбина наслала на меня проклятие, не знаю. Скорее всего, второе.

Я возвращался с очередного мероприятия. День медицинского работника. Надеюсь, что на следующий день никто из них не должен был проводить операцию, потому как пьют эти самые медицинские работники просто безбожно. Я думал, сложно перепить работников культуры, но, оказывается, можно, и очень легко. Валера сказал, что у них просто

такая разрядка. Работа – на самом деле не позавидуешь, особенно в эмоциональном плане, все-таки каждый день они видят, как умирают люди, и не всегда могут это предотвратить, а иногда и вовсе пациенты умирают по их вине. Поэтому водка – это способ хоть как-то отвлечься от ужасов на работе. Не самый, конечно, лучший, но действенный.

И вот я ехал под впечатлением от увиденного. Вернее, таксист вез меня, а я сидел рядом с ним и, погруженный в свои мысли, не особо следил за дорогой. А зря. Будь я внимательнее, возможно, заметил бы выскочивший из-за поворота «форд-мондео» и успел бы крикнуть водителю. Бы, бы, бы...

Все произошло в какие-то доли секунды.

Яркий свет фар.

Визг тормозов.

Звук столкновения.

Громкий мат таксиста.

Удар.

И темнота.

Я не успел ничего подумать, не успел ничего сообразить.

Удар и темнота. Наверное, так и будет. Удар и темнота. Больше ничего. Быстрое мгновение. Вроде бы не страшно. Страшно понимать, что темнота не закончится. Никогда. Ну, и это не тайский массаж, когда помяли бока, а тебе легко и приятно после процедуры. Там что-то растет, внутри меня, что-то меняется, идут какие-то процессы с организмом,

и все самое «веселое» впереди. Пока только цветочки. Будет больно, будет еще чертовски больно, до адской жути, а не так, что раз, и всем пока.

Пришел в себя я уже на тротуаре. Надо мной склонились какие-то люди, светили фонариком в лицо, трясли за плечи.

– Очнулся, – оповестил всех один из склонившихся.

– Парень, ты как? Слышишь меня? – спросил уже другой.

Я моргнул.

– Двигаться можешь?

Я снова моргнул, хотя ни черта я не мог двигаться.

Рядом лежал таксист. Ему досталось куда серьезнее моего. Ударился головой о руль. Он лежал неподвижно и еле слышно постанывал.

Голова кружилась, как центрифуга. Во рту сохранился неприятный привкус крови и рвоты. Сердце колотилось с бешеной скоростью. Штамп говорить, что оно едва не выскочило из груди, но так на самом деле и было. Невыносимая, адская боль буквально разрывала на части. И почему-то чесались грудь и копчик.

– А говорить можешь? – допрашивал все тот же голос.

Я попытался ответить, но не смог. Завыли громкие sireны скорой, и я вновь потерял сознание.

Оказалось все же, что я пострадал значительно больше. Водитель отделался ушибами и синяками, а у меня сломался позвонок, и повезло, что не задело спинной мозг, иначе бы мне грозил паралич. Весело. Врачи навели еще больше стра-

ха. В том, что они это умеют, я убедился часом ранее. Хорошо хоть никто из приехавших не был у нас на корпоративе.

– Похоже, не повезло.

– Спинной?

– Да.

– Ну, все. Покатался. Теперь всегда кататься будет.

– Овощ?

– Так точно.

– Да нет, вон ногой шевелит.

Шевелит. Да я тряс ею, как трясет космические корабли при раскрытии парашюта, если не сильнее.

Удивляюсь, что поседел на несколько волосков, а не на всю голову.

Хотя не стоило принимать такие усилия. Пульс ускорился, да и боль стала резче.

Помню испуганное лицо матери.

Испуганное лицо Валеры.

Его Инги.

А вот водитель «Форда» вообще не пострадал. Ни синяка, ни царапинки.

Он оплачивал мое лечение.

Вернее, не оплачивал, а сунул пару бумажек по пять тысяч рублей и больше не объявлялся.

А лечился я долго и мучительно.

Медленно восстанавливался, но хотя бы знал, что снова буду здоровым, а значит, был стимул, и на боль, на эту бес-

конечную, зудящую боль и дикие неудобства можно было закрыть глаза и терпеть.

Два месяца я пролежал в больнице.

Практически как мумия.

Одно неловкое движение, и боль пушечным выстрелом, таким же мощным и стремительным, пронзала все тело.

Каждую мышцу.

Каждую клеточку.

Хорошо, что нервам не досталось. Только позвонок. Но и это было несладко.

Я плакал.

Я стонал.

Обливался потом.

Но совсем не шевелиться не получалось.

Боялся, что действительно стукнул паралич, и я окаменел.

Двигался, чтобы доказать обратное.

Врачи подбадривали, кололи обезболивающие, но я все равно чувствовал ее.

Эту дикую ненавистную боль.

Я сам был этой болью.

Большой и нескончаемой.

Валера навещал по вторникам и пятницам. Приносил апельсиновый сок и пюре с котлетами на пару, садился рядом, рассказывал про напарников, анекдоты, про новые мемы в фейсбуке, про то, что цена на нефть опять падает, а доллар, соответственно, растет. Затем призывал держаться

и, виновато разведя руками, уходил. Инга не любила долго ждать.

Зато мать приходила каждый день. Я отвык видеть ее так часто. А тут приходила, садилась рядом, вязала, проявляла заботу, была внимательной. Она по-прежнему дымила тайком, хотя уже давно можно было не прятаться, теперь, видимо, стеснялась меня. Я понимал, что она курила, по запаху этих дурацких едко пахнущих духов, которые за столько лет она так и не сменила.

Не скажу, что мы сблизились, но прогресс в отношениях определенно был. Больше не ссорились, она читала мне Маркеса и Ремарка, и даже Кена Кизи, прослезилась в конце «Трех товарищей». Много лет я не видел ее плачущей.

Она рассказывала про себя. Про свое детство.

Она рассказывала про бабушку.

Она рассказывала про дедушку.

Она рассказывала про отца.

Каким он был в моем возрасте.

Она рассказывала про то, о чем мечтала в детстве.

Ничего сверхвыдающегося, 4Д: двое детей, дом и дача.

Двое не получилось. Только я. С дачей и домом тоже как-то не срослось. Хотя не так и сложно приобрести небольшой участок. Но зачем? Это в совке есть особо нечего было, все и выращивали, что могли, а сейчас хоть в июне мандарины купить можно. Томаты с огурцами круглый год продают. И купить их гораздо дешевле получается, чем вырастить. Я уж

не говорю о том, сколько времени сэкономишь.

Но все же печально, когда такие незамысловатые мечты не могут осуществиться. Как-то по-другому я взглянул на маму. Стало жалко ее. Что она хорошего в жизни видела?

Темные обои.

Светлые обои.

Пьяного отца.

Отрывающиеся обои.

* * *

И еще толпу каких-то не самых приятных людей.

Вот и получается, что ничего. А жизнь уже давно перешагнула экватор. И что хорошего может такой человек сделать другим? Тоже ничего. Закон сохранения энергии. Или что-то такое из физики.

А плакала она довольно искренне. Ремарк вообще любил повыдавливать слезы, хотя писатель отличный. Мощный такой писатель. Запоминающийся.

* * *

Про рак, кстати, я почти ничего не читал.

Кино – другое дело.

Хотя не сказал бы, что книг на эту тему меньше, скорее,

наоборот. Просто странное какое-то время. Фильмы смотреть проще и быстрее. А если не знать, что они сняты по книгам, и не читать их, то и вовсе можно не расстроиться и не писать потом гневные или печальные комментарии, что книга лучше. Сравнение мешает счастью, не помню, кто сказал, но сказал он или она верно. Все так и есть.

Сравнение мешает счастью.

Но человек не может не сравнивать, мы слишком социальные и не имеем возможности изолировать себя от общества.

Общества потребления.

Высшего общества.

Общества агрессивных и нетерпимых к инакомыслящим.

Общества с ограниченной ответственностью.

Общества мертвых поэтов.

Общественности.

* * *

Мать тоже смотрела на других людей и невольно сравнивала себя с ними. И сравнение всегда было не в лучшую сторону.

Чего только не думал я, лежа в этой мрачной палате с крашеными стенами. Пытался переосмыслить всю свою жизнь, извлечь какой-то урок. Вот только не понял, что не так. Не разобрался тогда, не понимаю и сейчас. Я же не Эйнштейн все-таки и не Перельман.

Через два месяца меня выписали, но я еще долго проходил реабилитацию.

Я носил корсет.

Я ходил на ЛФК.

Я ходил на массаж.

И на физиопроцедуры.

Я чувствовал себя калекой.

С острова Инишмаан или с какого-либо другого острова.

Я не мог нормально двигаться. Денег не было. Пришлось переехать к матери, есть ее бесконечные плюшки и пироги. Я не вылезал из депрессий, не знал, чем себя занять. Все больше и чаще вспоминал Несс.

Возможно, да и не возможно, а именно поэтому я и подсел на...

* * *

Онлайн-покер.

Как и с наркотиками, азартные игры срабатывают безотказно. Достаточно одного участия, одной победы – и ты уже на крючке.

Я наткнулся случайно на этот долбаный сайт, будь он трижды неладен. От нечего делать зарегистрировался и решил поучаствовать в игре. Ради этого, собственно, и регистрируются. Естественно, выиграл. Ну, естественно. Это даже не обсуждается.

Новичкам везет.

Так ли везет? Или кто-то способствует такому везению?

Вторую игру также выиграл. Более того, и третья партия с четвертой остались за мной.

Ну, и началась эйфория. Все ровно так, как с наркотиками. Ширнулся, тебе хорошо, мир больше не бесит, не давит, все в радужных цветах, серые обои становятся яркими, тело обретает легкость, короче говоря, не жизнь, а бесконечный полет за бабочками. И, главное, кажется, что это никогда не кончится. Что вот он – рай, и он будет вечным.

Вечным. Мечтай дальше.

Шестую партию я проиграл. За ней и седьмую. И последующие три.

И это чертовски неприятно.

Как будто тебе обрубают крылья.

Как будто ловят и сажают в клетку.

Как будто выбивают почву из-под ног.

И перекрывают клапан с кислородом.

Ты задыхаешься.

Ты реально задыхаешься от злости и беспомощности.

Трешь виски, потому что сердце колотится так, словно его сбросили с трехкилометровой лестницы, и оно падает, падает, падает, ударяясь о ступеньки. И каждый удар с невероятной силой отражается в твоих висках. Кажется просто, что они сейчас разорвутся, и что-то мерзкое и противное, как слизняк или медуза, выскочит из этих, только что появив-

шихся, отверстий.

Тебе ничего не интересно. Только хочется скорее вернуться в тот рай, где тебе так хорошо, где ты победитель.

И тут снова победа.

Улыбка возвращается.

Пульс нормализуется.

Дышится легко и в полную грудь.

Тело расслабляется после сильного напряжения, и становится так легко, так приятно, чуть ли не оргазм наступает.

Но ровно до того момента, как снова перестает идти карта. И вроде уверен в своих силах, и делаешь то же, что и раньше. Но у тебя две пары, а у кого-то стрит или флеш.

И ты снова раздавлен. Пригвожден к позорному столбу и думаешь только о том, как отыграться.

Один шанс, всего один шанс. Кажется, что этого вполне хватит.

Не хватит. Ты обязательно проиграешься в пух и прах и ни о чем другом уже просто не сможешь думать, ведь ты на игле. Ведь ты не можешь без этого персонального рая.

Умение остановиться – вот что важно в такой ситуации. Но ты уже на крючке, а следовательно, слаб и будешь пойман и безжалостно выпотрошен.

Не знаю, кто придумал казино, но он явно неплохо на этом заработал.

Я не смог остановиться. И проиграл вроде немного – около шести тысяч. Но это немного, когда в месяц зарабатыва-

ешь тридцать тысяч, а когда не зарабатываешь совсем, то солидно. И даже очень. А тут еще ублюдошный корсет, сцепивший, как кандалы. Хотя, конечно, ничего ублюдошного в нем не было. Никто не виноват, что я попал в аварию и в последующую ситуацию. Правда, с покером – это, как ни крути, мой косяк. Только мой.

Ничей больше.

В итоге я, как последний наркоман, просадил все деньги, какие были в доме, а после спихнул в ломбард и ящик. Они не гордые, приехали сами. Вручили мне тысячную купюру и увезли. А он стоил минимум десятку. Но мне было все равно. Лишь бы пополнить баланс, лишь бы вернуться в игру.

Я пробовал бесплатные приложения. В сети их невероятное множество. Но это как безалкогольное пиво: вкус вроде есть, а кайфа – нет. Да и у меня в голове засела всепоглощающая мысль, что я во что бы то ни стало должен, а главное – способен отыграться.

Мать не смогла смириться с утратой телевизора. Если деньги, хоть и после долгого ворчания, она мне простила, то расставание с ящиком прошло для нее слишком болезненно.

Блудный сын ненадолго вернулся в отчий дом и был с позором и скандалом выставлен обратно. Без денег, в корсете, с нехилой такой зависимостью от азартных игр.

Валера приютил у себя. За что ему спасибо. Маме тоже спасибо. Ее решение отрезвило меня немного. У Валеры я порывался сыграть хотя бы одну партию.

Я порывался продать и его телевизор.

Я готов был продать почку.

Или выброситься в окно.

Но у меня уже был перелом.

И квартира находилась на втором этаже.

Да и почку так просто не продать.

Валера отключил интернет, отобрал телефон. Ух, как меня ломало. Реально едва не лез на стены. Я даже подумать не мог, что в такое вляпаюсь. А потом как-то мозги встали на место, и я понял, что ничего глупее и придумать невозможно.

Ну что это за занятие? Как вообще можно играть на деньги? Горбатишься ради каждой копейки, а потом за час можешь слить результат целого месяца работы. Проще сразу спустить в унитаз. А лучше послать в благотворительные фонды. Но в фонд жалко, а проиграть – не жалко.

И опять я много думал. И о том, что деньги – зло, и том, что нужно что-то менять, и снова о Несс.

Перемены я начал с того, что...

* * *

Уволился с работы.

Ну, то есть как уволился. Я и так уже по сути не работал, скорее, помогал. Разрабатывал с Ингой сценарии. Не мог же я совсем сесть на шею Валеры.

Но как только сняли корсет, я взял в долг у него десятку, снял квартиру на окраине и устроился билетером в «Кино-макс». Читал, смотрел кино, продавал билеты. Нагрузка позволяла. Вечерами пропускал пару бутылочек и снова читал.

Или разглядывал обои.

Бело-голубые рельефные обои. Не очень свежие.

Водил по ним рукой, изучал рельеф.

Водил рукой по дивану.

Водил рукой по батарее.

Водил рукой по подоконнику.

В комнате, кроме дивана и шкафа с книгами, ничего не было.

Мне нравился этот минимализм. И отсутствие интернета.

Книги были по большей части советские. Островский, Фадеев, Маяковский, Хармс, Есенин, Симонов, Зощенко. И немного классики.

Собрание сочинений Пушкина.

Собрание сочинений Гоголя.

Собрание сочинений Толстого.

С Толстым у меня не складывалось. Пушкина читать – по-псово. Поэтому ударился в изучение Гоголя и немного Маяковского.

Гоголь мрачный, но очень смешной. Вот он умел прописывать характеры. Сочные, яркие. Несколько предложений, и уже живо себе представляешь, что это за Собакевич такой или Коробочка. Плюшкин так и вовсе.

Ненавистный Плюшкин, которого я неплохо, кстати, играл. Вернее, репетировал.

А Толстой вечно нравоучительствовал. Да и слог у него пожестче. Может, такой и должна быть литература, но Гарри Поттер мне намного ближе.

И потом, он якобы открывает всем глаза, но ведь люди все разные, все личности, индивидуальности. И что хорошо и правильно одному, то совершенно не подходит другому. А про «не убий», «не укради» и «будь хорошим человеком» давно сказано в Библии. Хотя кому-то и помогает, вроде как за советом к мудрецу или психоаналитику обращается. Тебя что-то беспокоит, что-то случилось, а там уже написано, и вроде понятно, что к чему. Только в книгах – все равно выдумка, не бывает на сто процентов, как в реальности. А тут жизнь. Поэтому лучше все же к психоаналитику, они и деньги за это получают.

В школе я особо не читал классику. Вот и наверстывал упущенное.

«Мертвые души».

«Вечера на хуторе близ Диканьки».

«Шинель».

«Тарас Бульба».

«Записки сумасшедшего».

Да уж. Никуда без этих душ и сумасшедших. Извечные темы.

Мне казалось, что я тоже не просто так листаю страницу

за страницей, что обязательно что-то пойму, познаю великие тайны, новые смыслы, побываю в новых мирах, рожденных фантазией гениальных писателей. Ничего. Просто или интересно, или не очень интересно, или очень неинтересно. Из неинтересного оказался Пришвин и местами Маяковский.

Но чего-то большего о себе или о мире я не узнал.

А вот новая работа меня не напрягала, как и спина. Коллектив попался достойный. Вернее, ничего особенного. Стандартный такой молодой коллектив.

Светловолосые девочки.

Субтильные стильные мальчики.

И Дэн. С лысой наполовину стрижкой и татуировкой в виде филина на шее.

Как его взяли, никто не знал, но он вел себя вызывающе, грубил посетителям, посылал куда подальше и показывал средний палец администратору.

Хотя меня Дэн не раздражал так, как остальных.

Почти год я проработал в «Киномаксе».

Ни с кем не встречался.

Все так же вспоминал Несси.

Предпринял еще пару тщетных попыток отыскать ее.

Прочитал все книги, что были в квартире.

Купил зачем-то аквариум.

И пару новых книг. «Наивно. Супер». И «Одиночество в сети».

Разбил аквариум.

Выпил 222 бутылки «Балтики 7».

Затем Валера решил поменять сферу деятельности и перешел на квесты, которые к тому времени стали дико популярными. Он назвал контору «Фобос» и снова позвал к себе.

Наверное, это было не лучшее решение, но я...

* * *

Устроился оператором квеста:

– Здравствуйте, меня зовут Илья, и сегодня я буду следить за вашей игрой и помогать, или не всегда помогать вам в прохождении нашего квеста. Раньше принимали наркотики?

– Что, простите?

– Шучу. В квестах принимали участие?

– В квестах – да.

– Отлично, тогда не будем тянуть кота за яйца и сразу приступим. Квест не сложный, но в принципе интересный. Загадок не так много, но зато подвигаетесь хоть. А то бывает, что две комнаты всего, в чем прикол, не понимаю. Ну что, проходим?

– А легенда?

– Ах да, легенда. Думал, вам неинтересно. Просто она несильно вам в загадках поможет, так, для атмосферы.

– Что?

– Да шучу, шучу. Просто вы уже пятые за сегодня. Девяносто пятые за месяц, двести какие-то всего, неважно.

Итак, легенда. В далеком 1967 году в штате Мичиган произошло необычайное событие. При трагических обстоятельствах пропал двенадцатилетний Майкл Митчелл. Что-то на «М» все. Городок был маленький, и естественно, все были просто на ушах. Кто-то говорил, что как раз накануне видел яркие вспышки света на небе и утверждал, что мальчика похитили инопланетяне, кто-то вспомнил древнюю легенду про оборотней, возможно, он был съеден одним из них. Кто-то считал, что он просто сбежал в лес и потерялся или утонул в реке. Детектив Харрис напал на след и почти разгадал эту тайну, однако сам пропал таинственным образом. Остались лишь несколько записей в блокноте, которые помогут вам разыскать детектива Харриса, а вместе с ним, возможно, и малыша Майкла. У вас есть ровно час на поиски, пока не приехала полиция и не начала свое расследование. Так себе легенда, конечно, но это не ко мне, не я же придумывал.

– А кто?

– Джоан Роулинг.

– Серьезно?

– Нет, конечно. Шучу. Готовы?

– Да. А у нас есть подсказки?

– Есть.

– Сколько?

– А вам сколько надо?

– Ну, три.

– Тогда есть две.

– Почему?

– Да там все просто. Да, и еще. Там у нас парнишка будет бегать, буйнить, беспокоить вас. Вы его не бойтесь, он безобидный, хоть и немного того.

– В смысле?

– Ну, того... Актер же. Скажите ему, что, глядя на него, Станиславский бы удавился. Посмеетесь хоть.

– А он не опасный?

– Нет, вы, главное, его не трогайте. Предметы все можете трогать, а его не надо. Ах да, и еще. Нельзя пользоваться фонариками и мобильными телефонами.

– А куда их?

– Можете мне отдать. Ну, или, если не можете, то не ходите. Некоторые реально не могут расстаться со своими гаджетами. Да шучу, вот у нас есть сейф, кладите сюда. Ключ у вас останется. Ну, вот и все. Удачной игры, а я буду на вас посматривать с монитора. Если захотите получить подсказку, поднимете руку. Но интереснее все-таки самим до всего догадаться.

* * *

Как-то так я и работал. Нет, конечно, не сразу. Не в первый день. Поначалу я старательно выполнял свою роль, был вежливый, как джентльмен, или даже как британская королева. Но очень быстро мне это надоело. Реально эти легенды

– какое-то убожество. Да и посетители порой так тупили, что можно было только за голову хвататься. И Славик этот. Актер погорелого театра. Тоже наш кулек закончил. В универ его не взяли, но он не может жить без театра. Вот и пришел к Валере. Вот и устраивал из двадцатисекундного появления целое шоу. Старался напугать посетителей до потери сознания в образе привидения. Но дело-то было не в его игре, а в том, что он тихо и внезапно появлялся в белой простыне и начинал мычать в самое ухо. Я бы тоже обделался. А он был доволен. Сергей Безруков в юности.

Затем, чтобы развеселиться, я начал побухивать. Не сильно, так, для удовольствия. Не больше Валеры, кстати. Только он делал это после работы, а я – во время. Нехорошо, конечно, но правда становилось веселее, и злость пропадала. Не то чтобы я прям злился-злился, но, думаю, всех напрягает однообразие, а работа оператора квестов невероятно однообразна по сравнению с работой аниматора, хотя и не так унизительна.

Затем я...

Фоткал команды.

Раздавал им обратно мобильники.

Собирал деньги.

Спрашивал про ощущения, пожелания.

Приглашал их приходиться на новые квесты.

И оставлять отзывы в соцсетях.

Потом я выкладывал фотку в группу с подписями:

«Веселая команда «Борщ» выбралась из комнаты за 48 минут».

Или:

«Задорная команда «Лысый у руля» справилась с заданием за 44 минуты».

Или:

«Есть рекорд! Проявив чудеса организованности и смекалки, команда «Дети Йети» выполнила все задания без единой подсказки и прошла квест за 31 одну минуту. Поздравляем!»

Если команда не успевала за час, я давал им три дополнительных минуты.

И долго потом потешался над их неудачей.

Честно сказать, мне нравилось наблюдать за беспомощностью людей. Они такие вроде бы напористые, уверенные в себе. Но их несложно поставить в тупик, озадачить, обвести вокруг пальца, лишить уверенности. А растерянный взгляд многого стоит. И не потому, что ты в этот момент чувствуешь себя сильнее и выше. Ты ведь тоже не вершитель судеб. Хотя бывают и такие, но, к счастью, мало. Просто подсознательно к такому всевластию и стремится человек. Но ему полезно показать, что он уязвимый, как и все на нашей планете. И растерянный взгляд делает его человечнее.

Теперь вот и я в полной мере осознаю свою уязвимость. Недаром в этом слове корень язв. Язва. Только язва – ерунда по сравнению с раком.

Мне не нравилось, что это единственное наказание в квестах. Почувствовать себя неудачником. Хотя, безусловно, немаленькое, но хочется чего-то большего, существенного. Не знаю, временную татушку «Не справились с квестом» или публичного унижения. Покукарекать там, или спеть «белые розы», или хотя бы часок посидеть в темном сыром подвале. Иначе получается какое-то кидалово. Ты в любом случае выбираешься из комнаты, либо сам, либо тебя из нее выводят.

Но людям все равно нравится. Людям вообще много чего нравится. Например, реслинг. Хотя почти все уже знают, что это шоу, а не бои, но смотрят с удовольствием, не возмущаются. Так и тут. Понятно, что Славик никакое не привидение, и вообще никто не пропал, да и вы в доме на Ленина, а не в Мичигане, но условность легко допускается человеком. И вот уже смеются, шутят, ломают головы, сами вживаются в образы. Девушки не скрывают эмоций, визжат от страха и от радости. А то, что легенды фактически мало имеют отношения к заданиям, мало кого волнует. Люди терпят и даже радуются, когда их обманывают. Лишь бы не сидеть дома, лишь бы убежать от одинаковости и серости будней. Были и такие, которые не пропускают ни одного квеста, появившегося в городе. Такие как раз быстро и расправляются со всеми заданиями и быстро сваливают. С ними проще, им ничего рассказывать не надо, им, наоборот, не терпится зайти в комнату.

Интересно, а Несси ходила на квесты? Вряд ли, это же на-

до собрать компанию. Как минимум одного человека.

А еще есть идиоты. И немало. Объясняешь им, что дергать ничего не надо, трясти тоже, толкать, бить. Сломаете. Без толку. Шевелить мозгами – это не их. Размахивать кулаками – сколько угодно. Напрягать извилины? Нет, не слышали. Сломают что-нибудь, а Валера потом из зарплаты вычитает. Раз в неделю стандартно что-нибудь крякалось.

Мы так с Алисой и познакомились. Брат ее тупоголовый со всей силы за ручку дернул и вырвал с корнем.

– А че я-то? Еле тронул вообще. Это у вас на соплях все держится.

Хорошо, что только ручку. Один мозгач умудрился погнуть сейф. Лучше бы он теорему Ферма доказывал с таким упорством или волонтерам помогал в приютах для животных. Но сейф погнуть проще, конечно.

Не знаю, что повлияло больше, то, что я был навеселе, или маленькая родинка у нее над губой, или то, как она взяла меня за руку, когда слезно просила не убивать ее тупого братца. А может, и все вместе. Но я совсем не сомневался, когда набрал свой номер телефона на ее мобильном и записал «Илья (квест)», прежде чем вернуть его и отправить всю команду подальше с глаз долой.

* * *

Алиса.

На следующий день я позвонил, долго объяснял, кто я и как заполучил номер, но когда позвал прогуляться или посидеть где-нибудь, выпить кофе, она согласилась, не раздумывая ни секунды, словно знала, что я позвоню и приглашу на свидание.

Алиса не была красавицей. Нормальная. Точнее слова не подобрать. Но что мне понравилось – она и не пыталась казаться красивее. Она пришла в джинсах и блузке, в кедах, без макияжа. Только губы накрасила, да лаком побрызгала волосы, чтоб не растрепались. Потом я понял, что ей просто было лень заморачиваться и тратить столько времени на наведение марафета, но тогда я этого не знал. И плюс она не была такая напористая, как Альбина.

Мы ходили по набережной.

Мы мотались по центру.

Мы смотрели, как падают начинающие роллеры и скейтеры.

Мы слушали, как поют уличные музыканты.

Потом мы смотрели какую-то глупую и наивную мелодраму. И в финале, когда главные герои, наконец, преодолев все трудности и разочарования, поцеловались, мы, следуя их примеру, взяли за руки и впились друг в друга не менее страстно и продолжительно.

Помню ее липкие от бесцветной помады губы и жесткие от лака волосы. Она целовалась как-то агрессивно и прикусила мне язык. Не сильно, но все-таки. Больше такого не по-

вторялось, но и я старался свести все поцелуи к минимуму.

Вот и что она там делает?

Вернулась к брату? Качку этому лысому.

Перебирает вещи?

Обсуждает с подругами, какой я козел?

Купила килограмм мороженого и ест?

Отправилась в клуб на вечеринку?

Меняет статус во ВКонтакте?

Строит глазки декану?

Бросила она меня. Бухаю я, видите ли.

Нет, мы частенько ссорились, даже на повышенных тонах. Даже били посуду. То есть она била. Я только в стены стучал кулаком. По несколько дней не разговаривали, но всегда, всегда она первая же сдавалась. И всегда находился повод. То кран неожиданно начнет течь, то обои отклеятся, то нужно картошки купить, то новое платье, то сериал не с кем обсудить.

Алиса учится на последнем курсе юрфака. Сама бы не поступила, но они с братом сироты, им положены льготы. Поэтому сперва он отучился на экономиста, а теперь вот такой «замечательный» юрист получит диплом бакалавра. Как бы еще в аспирантуру не пошла. Хотя мне-то какое дело? Пусть идет куда хочет, хоть на все четыре стороны.

Тупица.

Злыдня.

Кикимора.

Рыба пучеглазая.

Амеба одноклеточная.

* * *

И меня вновь захлестнула дикая ненависть. Ну, позвони же сама. Или возьми трубку. Возьми!

Нет и нет.

По нулям, как говорится.

С одной стороны, хорошо, что ушла. Это было неизбежно. Долго я сам не выдержал бы. Но с другой стороны – обидно. Всегда обидно. А тут еще в такой день, с таким известием. Я почувствовал себя самым несчастным и одиноким человеком на свете. Брошенным и забытым всеми.

Я представил, как тяжелая каменная плита медленно и неотвратно опускается на меня сверху. Я кричу, я пытаюсь бежать, но тщетно. От нее не убежать, она упорно преследует меня и нависает, и придавливает все ниже и ниже. У меня заломило тело от боли и тоски. По-настоящему. Сильно. Зубодробительно.

Я смотрел в окно и ненавидел людей.

Я варил пельмени и ненавидел пельмени.

Я поливал алоэ и ненавидел алоэ.

Я просматривал почту и ненавидел интернет.

Я ненавидел все и всех.

Я валялся прямо на полу и рисовал на обоях. Звезды, ко-

меты, космос, инопланетян. Интересно, у них есть какие-нибудь болезни? У них есть этот долбаный рак?

Уолтер Уайт, конечно, круто справился с этим, но он вымышленный персонаж, ничего такого не было. Хотя его мужество должно вдохновлять если уж не на великие подвиги, то хотя бы на смелую борьбу с проделками вселенной и мерзким недугом. Должно, но ни черта подобного.

Я растекся, как масло по сковородке, растаял, как мощный сугроб от первого же луча солнца, сломался и проржавел, как соседская «Лада-Гранта».

Раздался звонок.

Неужели?

Одумалась?

Соскучилась?

Пополнила баланс?

Звонил Валера.

А вот с ним у меня не было ни малейшего желания разговаривать. Уволил он меня. Да я сам уволился бы. Сколько можно было смотреть на этих недоумков? А на Славика? «Вот я сегодня дал, Козловский бы обзавидовался». А теперь звони, хоть обзвонись. Поставлю в черный список, и адъё.

Но не поставил. Перевел на бесшумный.

Он прислал смс: «Илюха, ты где? Что не отвечаешь? Обиделся?»

Обиделся

Я не ответил.

Нарисовал на обоях довольную рожу Валеры и с огромным наслаждением расчертил ее. Странно, зачем покупать обои с непонятными рисунками и текстурами? Люди должны сами рисовать то, что хочется, то, что нравится, то, что они чувствуют. И вообще мы практически ничего не создаем сами. Даже эти пельмени. Все, все, что хочешь, тебе приготовят, сделают, доставят, только плати деньги, которые также созданы чужими руками.

Плати, плати, плати – слоган сегодняшнего дня.

Тот, кто придумал деньги, верил, что облегчит всем жизнь, но он даже не догадывался, что их отсутствие сделает несчастным и жалким существование огромного количества людей. Что у многих станет единственной целью – заработать миллионы или хотя бы сотни тысяч рублей, долларов, евро и прочих валют.

Можно, конечно, и без обоев. Разрисовал стены, и вуаля. Умеешь – значит, живешь с красивыми стенами, не умеешь – сам виноват. Все по-честному. Некоторые так и делают. Но только некоторые.

Валера так не делает.

Еще и звонит как ни в чем не бывало. Небось, коньяк купил. Один-то он пить не может. Уши нужны, чтобы Валера поплакался, что бизнес мало приносит, что никак не может отыскать помещение для второго квеста, а у него еще кредитов на полмиллиона, и Инга никак не может забеременеть, а он уже второй год никуда не ездил отдыхать. Даже в Египет.

Валера, есть люди, у которых нет конечностей. Не думаю, что им легче. Но зачем его должен волновать кто-то еще? Да не только он такой. Я тоже раньше не очень-то о них задумывался. А теперь вот...

И я нарисовал колясочника в форме хаки, печально разглядывающего свои обрубленные конечности. А затем однурукую серфингистку. Для людей нет преграды, если они сами так решили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.